

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИЯХ ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ ЭТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА ЖАКА ЛАКАНА)

В данной статье мы рассмотрели проблему классификации этики психоанализа Жака Лакана. В первой части статьи мы проанализировали, в кругу каких этических вопросов и каких авторов из истории философии следует рассмотреть этику психоанализа. Во второй части были сначала проанализированы, а затем применены к этике Лакана ряд этических классификаций. В результате нашего анализа были предложены некоторые дополнения и уточнения в классификациях этик, в том числе вариант новой дефиниции материалистических и идеалистических этик.

Ключевые слова: истории философии, этика, этические классификации, Жак Лакан, этика психоанализа, материалистическая этика.

В исследованиях этики, особенно историко-философского характера, большое значение имеет классификация этических учений. Как и в других дисциплинах, классификация важна для определения общих типических черт в каждой конкретной этике. Это нужно для того, чтобы увидеть преемственность или случайную перекличку идей, выделить главные и второстепенные элементы учения, а в конечном счете – построить целостную картину развития этики.

Подробное изучение конкретной этической концепции практически невозможно без сравнения ее с другими. Так, рассмотрение этики психоанализа Ж. Лакана подразумевает поиск точек схождения и расхождения его концепции с другими учениями. Как же мы можем классифицировать эту этику?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, что в этике имеется много различных классификационных подходов и теоретических образов морали. Часто речь идет о таких типах, как: этика долга и этика добродетелей, этика закона и этика благодати, автономная и гетерономная этики, нормативная и аксиологическая этика. Этики также делят на: классические и современные, натуралистические и метафизические,

традиционную и метаэтику; выделяют прикладную и биоэтику. Попробуем разобраться в этих спецификациях и понять, какие нам нужны для точного описания этики Лакана.

Одновременно с этим важно провести упорядочивающую работу в отношении концепции Лакана. Во-первых, понять, какие этические понятия наиболее значимы в теории Лакана, а затем сравнить ее с аналогичными. Так мы поймем, что нового предлагает Лакан в плане этических построений и в трактовке этических понятий. Во-вторых, нужно выделить значимые дихотомии, которые позволят четко ухватить концептуальную специфику его теории. Таким образом, в данной статье в этике Лакана нас интересует содержание понятий и высказываний этики психоанализа. Фактически довольно сложно разделить формальные и содержательные критерии, так же как логические и риторические моменты теории. Так, понятия и высказывания составляют содержание всякой концепции, однако изложенные как основа ее формализации – уже по сути формальные элементы. Сама этика Лакана не упорядочена, т. е. нет отдельной работы или даже фрагмента текста, где бы она была изложена как целое. В то же время нельзя сказать, что большая часть

этих высказываний ситуативна (т. е. высказывается по определенному случаю), напротив, рассуждения об этике у него концептуально заданы как разработка этического измерения психоанализа. Мы выделим формальные основания для упорядочивания концепции, т. е. основные понятия и их связи (здесь основной вопрос, какие понятия мы считаем этическими и почему, а затем как они согласованы, какие в основе, а какие производны). Для этого мы проанализируем тексты Лакана, а также ряд классификаций этик, чтобы затем провести реконструкцию и формализацию этики психоанализа.

Сам Лакан «намекает», в кругу каких тем, проблем и этических концепций он видит свою «этику психоанализа». Целесообразно обратиться также к тем именам и идеям, с которыми сравнивают этику психоанализа другие авторы (например, такие ее исследователи, как С. Жижек, А. Зупанчич, Я. Ставракис и др.). Проведя несложный анализ, мы убедимся, что в центре внимания Лакана были концепции таких этических философов, как Аристотель, Спиноза, Бентам, Кант, также его интересовали этические рассуждения Кьеркегора и Витгенштейна, кроме того, будет интересно и сравнение его с идеями современного философа А. Бадью. Рассмотрим эти связи подробно.

Лакан обращается к этике Аристотеля в двух семинарах, посвященных этике (семинар VII: Этика психоанализа; семинар XX: О женской сексуальности. Пределы любви и знания), а также в «Телевидении» признается, что Никомахова этика была отправной точкой в его этических исканиях. Аристотель вводит принцип высшего Блага, с которым соотносится ценность всех других благ. Лакан выступает против, так как благу в психоаналитическом опыте не соответствует ничего кроме удовольствия. Принцип удовольствия не может быть основой этики, более того, Лакан считает, что человек часто идет против этого принципа. Говоря в психоаналитических терминах, высшее Благо – это наслаждение, которое, по сути, преграда к моральному поступку, а не ориентир. Кроме того, этика добродетели Аристотеля – это этика (правильной) привычки. Но правильная привычка должна ориентироваться на порядок в сущем (Реальном), а там

его нет. Само сущее не подтверждает тезис об этическом и неэтическом удовольствиях. Так Лакан приходит к выводу, что поступок лежит в сфере Реального, там нет закона и порядка (Символическое), а значит, этика не основывается на принципах реальности или удовольствия. В начале XX семинара он подчеркивает, что со временем происходит не прогресс понимания, а соскальзывание с точки зрения Аристотеля к взгляду Бентама, т. е. к утилитаризму. Лакан противопоставляет себя утилитаризму еще в VII семинаре. Этика Бентама прикована к сущему, причем только к конкретным материальным благам, дающим удовольствие и пользу (где польза – удовольствие в потенции). Для Лакана по структуре индивидуальная установка на вообще полезное (т. е. полезное, желанное для другого, для других вообще) близка позиции садиста, который отказывается от своего желания в пользу Другого, соглашаясь быть лишь его орудием, в чем и находит свое перверсивное удовольствие. Главная ошибка утилитаризма, по Лакану – сведение языка к инструментальной функции, что лишает нас возможности понять суть желания.

В своих исходных этических допущениях Лакан был ближе всего к Спинозе (которого он признавал своим кумиром): для него благо – это только то, что благо и желательно для человека. VII семинар это подтверждает, ведь Лакан заявляет, что «единственное, в чем можно быть повинным, – пойти наперекор собственному желанию». Здесь переосмысливается одно из высказываний Спинозы: «Мы стремимся к чему-либо, желаем чего-нибудь, чувствуем влечение и хотим не вследствие того, что считаем это добром, а наоборот, мы потому считаем что-либо добром, что стремимся к нему, желаем, чувствуем к нему влечение и хотим его» (цит. по: [Этика, 1998]). Спиноза говорит о желании как выражении сущности человека, в природе которого укоренено не столько стремление к самосохранению, сколько желание быть (быть человеком, субъектом). У Спинозы едва ли не впервые возникает «нечто вроде императива аутентичного поведения – не коснеть в однажды выбранном способе существования (что было бы равнозначно просто «быть» как неподлинному способу существования), не отождествлять

себя со своими делами, поступками (“человек свободен от своего прошлого”) и творениями (ни один гений не исчерпывается своими произведениями), а постоянно превосходить себя, выходить за собственные пределы, трансцендировать» [Этика, 1998]. Трансцендирование, таким образом, как справедливо замечает Гусейнов, есть еще одна характеристика подлинно человеческого существования. Причем у человека в этом стремлении нет никаких предопределенных, извне данных целей, как нет и заранее известного идеального способа существования, некоего изначального добра и т. п.

Кант занимает в философии Лакана особое место. С одной стороны, именно в нем Лакан увидел идейного праотца открытия Фрейда, с другой – он детально разбирает этику Канта через сопоставление его с Садом, что многими было расценено как скандал и эпатаж. Заслуга Канта состоит в том, что он «освободил» этику от сущего, показав возможность автономии в качестве должного. Кант строит свою этику как формальную, избавленную от случайного и ненадежного, т. е. от фактического содержания. Через уход от сущего (от удовольствий и благ как основ или ориентиров) Кант выявляет значимость желания. В самом деле, этичность поступка – это всегда мотив, подлинное желание, а не его результаты. Вторая «Критика» была задумана как критика способности желания, поэтому этика Канта – это учение о том, как правильно желать. Однако здесь мысль Лакана расходится с Кантом. Кант определял способность желать как целиком патологическую, т. е. зависящую от чувственности. Он абсолютизировал связь желания с удовольствием, но уже Фрейд показал обратное: связь желаний и удовольствий неоднозначна, более того, долг, моральные обязательства буквально «вырастают» из желания, а не из реальности и ее благ. Лакан настаивает на этом: желание не противоречит долгу, а исполнение долга не отрицает удовольствия. Форма выражения частного желания может быть принята как универсальный закон, страсть может быть этична, и напротив, исполнение долга не является доказательством моральности поступка. Для Лакана кантовская универсалистская этика, отрешенная от

конкретности индивида и культурно-исторических обстоятельств (т. е. частной морали с ее определением добра), и есть форма долга. Моральный закон не задает содержательные правила, определяющие долг, но закон говорит главное: «Долг следует исполнять». Уточняя это суждение, Жижек пишет: «Невозможно извлечь конкретные нормы, которым я должен следовать в моей специфичной ситуации из самого морального закона, который подразумевает, что субъект должен принять ответственность за перевод абстрактного предписания морального Закона в серии конкретных обязательств»¹.

Такая позиция Лакана – ее универсализм и субъектность, по мнению А. Бадью, и есть в чистом виде основа новой старой этики. Она носит не секуритарный (защитительный), а, можно сказать, проектный характер. Ее девизом может стать знаменитое высказывание Лакана «Don't give up on your desires». По мнению Бадью, именно Лакан показывает выход из современной конструкции этического как такового, предполагающей зависимость от «Зла» («быть добрым – значит не допускать зла»). По его мысли, нужно сделать еще более радикальный ход – уйти от субъекта и универсализма к событию и множественности. Однако сам Лакан остается верен идее субъекта (даже с огромным количеством поправок новоевропейского идеала). Кроме того, для Бадью в этике психоанализа примечательна и еще одна черта – Лакан строит свою теорию на основе отрефлексированной позиции атеиста и материалиста. И не без влияния Лакана и его этики, Бадью позже заявил о необходимости вернуться в понятие «диалектического материализма»².

Следуя этим указаниям, мы должны рассмотреть классификации, затрагивающие следующие проблемы: автономия морали, значение этических последствий, способы обоснования и предъявления моральных норм, возможность этического материализ-

¹ Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара. Электронный источник: <http://anthropology.ru/texts/translab/texts/zizek.html> (дата обращения: 27.08.2009).

² Бадью А. Тела, языки, истины // Журнал «Скепсис». Электронный источник: http://sceptsis.ru/library/id_1974.html (дата обращения: 11.03.2010).

ма и ряд других. В связи с этим мы рассмотрим следующие классификации.

Автономная и гетерономная этики. Автономная этика выводит мораль из представлений об априорном нравственном долге. Она исходит из принципа, что нравственность имеет основание в самом морально действующем субъекте. Человек сам создает (или находит в) себе нравственный закон, который совершенно свободен от внешнего воздействия. Идеи автономии развивал Кант, противопоставляя ее гетерономной этике, которая выводит нравственность из неморальных причин (законы, заповеди, личная заинтересованность и др.).

К гетерономным этикам относят гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм, которые основывают свои нравственные принципы на стремлении к удовольствию, счастью, извлечению пользы и т. п. В противовес французским материалистам, выводившими мораль из «природы человека», Кант приписывает ей априорный статус: не нравственные принципы должны быть приведены в соответствие с фактами человеческого бытия, а, напротив, само человеческое бытие должно стать воплощением самоочевидных нравственных принципов. Своим выводам Кант придает моралистический смысл: поведение является нравственным только тогда, когда оно мотивировано исключительно уважением к нравственному закону (категорический императив) и свободно от неморальных побуждений: себялюбия, стремления к счастью, социально-престижных моментов и т. д.

Для понимания этики психоанализа Лакана эта классификация имеет большое значение. Этика Лакана – это этика желания, именно им она определяется, но возникает вопрос: способность желать является моральным основанием или неморальным? Кант считал желание гетерономным основанием, подчиняющим субъекта законам природы. Однако психоанализ серьезно пересмотрел эти взгляды на желание. Еще у Фрейда показано, что влечения и склонности (которые Кант хотел исключить из морали, так как они природные) вовсе не сводятся к инстинктам, но напротив, часто противостоят им. По сути, как замечает О. А. Доманов, у Фрейда другая гетероно-

мия – это ранние фиксации. Фактически это гетерономия в области практической, т. е. в сфере свободы субъекта [Доманов, 2009]. Лакан идет дальше и заявляет, что если влечения можно уподобить кантовским склонностям, то желание и моральный закон мы должны отождествить структурно [Лакан, 2006]. И закон, и желание – оба преграждают путь к первичному объекту желания (т. е. являются защитой от наслаждения), только закон это делает через прямой запрет, а желание – через постоянную неудовлетворенность и поиск нового объекта. Суть этики психоанализа можно понять так: мы вполне можем поставить на место кантовского закона наше желание, утверждая тем самым (вопреки Канту) непатологичность способности желать, т. е. ее независимость от внешнего³. Источником гетерономии, по Лакану, является императив наслаждения, и поэтому сам анализ рассматривается как путь к отказу от поиска доступа к Другому как источнику наслаждения. Здесь возникает трудность: если для Лакана желание может выступать как род закона, позволяющего субъекту избежать детерминации (извне) принципом наслаждения, то означает ли это, что желание создает автономность морали или все-таки оно остается гетерономным? На наш взгляд, Лакан в своей этике пытается не устранить автономию, но показать ее пределы (дабы не сделать ее идеалом, т. е. еще одним ложным ориентиром в этике и терапевтической практике).

Этика долга и этика идеала. В четком определении этой классификации есть значительная трудность, так как каждый автор привносит в нее свои элементы. Мы также предлагаем свое название для этих классов теорий. В отечественной литературе традиционно по способу обоснования и предъявления долга и этических норм выделяют три группы: деонтологию, этику добродетели и телеологическую этику блага. Одним из первых (в 1930 г.) подобное разделение этических систем предложил Броуд (Broad), он выделил телеологические и деонтологические этики, введя дихотомию, ставшую стандартом в англоязычной этике. Телеоло-

³ Жижек С. Кант и Сад: идеальная пара. Электронный источник: <http://anthropology.ru/ru/texts/translab/texts/zizek.html> (дата обращения: 27.08.2009).

гические теории были определены им как те, которые считают, что моральная правота действия всегда определяется ее тенденцией к достижению определенных последствий, внутренне считающихся благами; деонтологические теории – как те, которые отрицают это требование. Нельзя не заметить, что телеологии по определению консеквенциальны (это понятие ввела Энскомб только в 50-х гг.), так как деонтологии чаще всего игнорируют последствия и зависят от самой формы долга. Консеквенциальные теории (лат. *consequentia* – последствия) определяют моральную ценность поступка в зависимости от его практических последствий, безотносительно к мотивам и принципам морали. Сторонники телеологии считают, что нравственность служит удовлетворению потребностей общества и человека, имеет целесообразный характер.

Итак, первый большой класс – это деонтологии, или этики долга. К ним относятся этики Канта, Локка, этика ответственности экзистенциализма и персонализма, а также деонтологический либерализм. Деонтология отрицает и консеквенциализм, и телеологию, однако это может быть как радикальный отказ (автономная этика Канта), так и «умеренная» позиция (например, локкеанская деонтология). Для этой группы этик поступок является моральным лишь в том случае, если он мотивирован выполнением долга. И обоснование морали здесь не может быть сведено к благу или другому ориентиру.

Второй более многообразный класс – это этики идеала. Подобная дефиниция объединяет в себе две группы: этику блага и этику качества. К этике блага можно отнести этику блага, счастья, любви, справедливости, пользы, удовольствия и т. п. К этике качества мы относим этику добродетели, этики самореализации, гуманистические этики, а также современную аретологию и концепции, отказывающиеся от вердиктности. Все они опираются на определенный явный или имплицитный идеал, эталонную модель. Если в этике блага такой идеал дан изначально и является смысловым центром конструирования этического пространства, то в этиках качества он возникает как итог теоретизации. Так, например, в современной этике добродетели Энскомб, Макинтайра

и др. предлагается идеал «процветания» («*flourishing*»), что в итоге сближает их с античным эвдемонизмом. В конечном счете, эти две подгруппы отличаются лишь тем, что этика блага обладает жесткой телеологической структурой, она прямо ориентирует субъект на определенный идеал. И напротив, в этике качества акцент сделан на качества, на практику, на реальные ситуации и поступки, в ней нет строгой отсылки к идеалу. Однако именно он простраивает координаты этического пространства и задает все основные смыслы. Подобная структурная схожесть и позволяет объединить их в один класс – этики идеала.

Мало сомнений вызывает причастность этики психоанализа к деонтологии. Сам Лакан подчеркивал свой отказ от этики блага, куда включал и этику Аристотеля – уже это сближает его с деонтологией. Этому есть и фактические подтверждения, например формализм максим и ориентация на Канта. Кроме того, в семинаре VII он показывает, что этика психоанализа – это этика без идеала; даже столь признанные психотерапевтами идеалы любви, нормы или счастья не могут привести человека к моральному поступку. Помимо самого Лакана, ряд исследователей также квалифицируют его этику как этику вне идеала (см.: [Zupančič, 2000; Stavrakakis, 1999]). Таким образом, мы можем заключить, что этика психоанализа отсекает от сферы моральных поступков суждения о том, что является благом (так как каждый аналитик знает, что за суждением о благе стоит авторитет, событий, Другой, а не истина субъекта). Важно также уточнить отношение этой этики к последствиям поступков. С одной стороны, для психоанализа как терапии важны следствия наших поступков (например, чувство вины – знак этической ошибки). С другой стороны, все же стоит признать, что этика психоанализа избегает оценивать поступок через последствия – для нее более важен мотив (причем истинный мотив, т. е. суть желания, а не его рационализация или интерпретация). Кроме того, в этой этике можно найти ряд моральных принципов: центральная этическая максима Лакана – «не сдавайся в своем желании!». Можно найти примеры других указаний типа «не отказывайся от себя», «имей смелость на собственные убе-

ждения», «не иди на компромисс с желанием» и т. д. В конечном счете, эта этика направлена на безупречное действие, т. е. поступок, в котором сам человек не может себя ни в чем упрекнуть. Если же вина возникает, то источник такой неэтичности лежит в сложной сцепке реального опыта, желаний и их артикуляции. Это в свою очередь показывает, что этика психоанализа далека от консеквенционализма.

Материалистическая и идеалистическая этики. Фактически, вопрос о материализме Лакана и его реализации в этике психоанализа напрашивался сам собой. Во-первых, Лакан заявляет себя как атеиста и материалиста (вслед за Фрейдом). Во-вторых, его отказ от идеалов, жесткая установка на реальные условия существования субъектов (анализ дискурса) и «укоренение» морального поступка в Реальном (которое всегда телесно и конкретно, т. е. не может быть никакой идеальной сущностью) – все это свидетельствует о попытке создания не-идеалистической этики. Однако остается вопрос: как мы можем вообще квалифицировать этики как идеалистические и материалистические?

Попытки построить этику на материалистической основе всегда вызывали много вопросов и проблем. Важно вспомнить ставший классическим упрек Мура в «натуралистической ошибке», присущий главным образом этикам, опиравшимся на материалистические основания. Следуя за рассуждением Мура, нельзя не заметить, что по способу своего конструирования натуралистические этики не отличаются от метафизических: они в равной степени отсылают к некоторому предмету, удостоверяющему этическое качество [Мур, 1984. С. 100]. И на наш взгляд, оба этих типа являются идеалистическими, так как, по сути, идеализируют как сам предмет (естественный или сверхчувственный), с помощью которого определяется понятие «добро», так и саму связь, которая воспринимается как априорное отношение (мыслимое по типу «воплощения», «инкарнации»). Даже крайний гедонизм идеализирует возможность воплощения этических качеств в вещах и ситуациях, таким образом, предполагая классическое различие идеализма: идеальное качество, привходящее в материю. Подобные «этики

воплощения» предполагают, что этическое качество (почти всегда) частично реализуется в наличных условиях – в этом лежит основание консеквенционализма (учет условий и последствий). Подлинный материализм в этике должен преодолеть саму установку на трансцендентность и «привносимость» этического в реальность.

Идеалистические этики рассматривают поступок в перспективе того, насколько внешние и внутренние условия (материал) позволяют воплотить тот или иной принцип, идеал. Иными словами, им свойственна тенденция к выносу «за скобки» этической составляющей поступка из всей конкретности события. Фактически это всегда соединение двух разнородных перспектив: трансцендентной (и часто абстрактной) моральности или ее носителя на фоне имманентной самой себе (внешней) реальности.

Материалистическая этика рассматривает поступок как имманентный конкретным условиям, однако не следующий из них, а «трансцендирующий внутри». Можно сказать, что поступок есть конструирование конкретной универсальности события внутри собственных условий. Диалектическая сложность такого взгляда очевидна: здесь мы также соединяем две перспективы, но на одно и то же событие – как внутренне и внешне обусловленное и как свободный моральный поступок. Иными словами, если для идеалистической этики поступок выглядит как событие двухмерное (акт реализации морального и событие воплощения этого морального в реальности), то для материализма всегда есть только одно событие, которое помимо всех его характеристик еще и событие морального поступка субъекта.

Интерес Лакана к историческим формам закона указывает на его материализм. Суть в том, что бессознательное не существует вне артикуляции, и различные дискурсы и культуры не меняют его (принципиально важно само наличие речи, языка), они высвечивают универсальные механизмы бессознательного. Конкретная историческая форма запрета создает определенную констелляцию бессознательного, в которой мы видим значения норм и мотивов. Лакан отмечал, насколько важно в рассмотрении этики знание юридических норм (например,

определение нормы, как состоящей из гипотезы, диспозиции и санкции). В XX семинаре он пишет, что психоанализ идет с той точки, где Закон останавливается. Закон занимается внешними признаками, он доходит «до постели», но не предписывает внутреннего, психоанализ и Кант начинают отсюда этику – с внутреннего, с мотивов и желаний.

Пространство поисков Лакана в этике пролегает между двумя полюсами: между желанием (виной) и наслаждением. И то, и другое понимаются строго материалистически: они изучаются через призму знаний о языке, через опыт и наблюдение в анализе. В том же семинаре он говорит, что в этике важно прояснить связь закона и наслаждения, которое может быть показано через разницу пользы и наслаждения в юридическом понятии «узуфрукт». Суть закона – в разделении, атрибуции и реатрибуции всего, что имеет отношение к наслаждению. Наслаждение – не что иное, как негативная инстанция, то, что не имеет никакой цели.

Лакан – атеист, он далек от религиозной этики, так как отрицает возможность общечеловеческой морали, построенной на заповедях любви и непротivления злу. Его трактовка атеизма фактически признает, что именно религиозная этика переносит ответственность на Другого и потому позволяет субъекту «слишком многое». Полемизируя с Достоевским, он заявляет, что «если Бога нет, то все запрещено», т. е. нет никакого гаранта моральности моего поступка, кроме моей личной ответственности за него. Выделяя ключевую категорию этики психоанализа, мы можем сказать, что это этика долга. В то же время единственным долгом человека считается «следование своему желанию» (однако не всякому!), а отнюдь не веления морали или реальности. Эта этика ориентирована не на реальность (символически сконструированную), но на Реальное – т. е. нечто более глубинное в бытии человека. И если выходом в Реальное является моральный поступок, то единственной связью, делающей это возможным, оказывается способность желать. Поэтому Лакан считал свою этику этикой желания, этикой индивидуального, глубинного желания.

Таким образом, этика психоанализа это современная деонтология, переосмыслившая категорию долга в индивидуализирующем аспекте. Это автономная этика, в основе ее лежит способность желать, которая и привносит содержание в формальные максимы. Важно отметить, что в силу формальности максим этики психоанализа обращается к мотивам, а не результатам (он ставит вопрос: «поступал ли ты в соответствии со своим желанием?», а не «достиг ли ты желаемого?») – т. е. это неконсеквенциональная этика. Концепцию этики Лакана можно квалифицировать как качественную попытку уйти от вульгарно-натуралистического прочтения психоанализа и вернуть ему подлинно гуманистическое звучание. На наш взгляд, этика психоанализа именно в наши дни приобретает свое актуальное звучание для современной культуры.

На основании наших попыток найти подходящие классификации для этики психоанализа Ж. Лакана, мы приходим к некоторым соображениям относительно самих классификаций в этике. Мы считаем поступок смысловым центром этики, вокруг которого она и конструируется. Исходя из такой трактовки, можно заметить, что все основные классы этических систем прямо базируются на разных подходах к понятию «поступок». Значимым моментом является следующее: представляется ли поступок существующим в объективной реальности или в интерсубъективном измерении. Представление об объективности поступка с необходимостью ориентирует на рассмотрение дальнейших последствий и эффектов такого действия (а также мотивов, представлений, целей действующего лица), что ведет нас к консеквенциональным теориям. Напротив, представление о поступке как субъективной реальности предполагает анализ не только мотивов, повлекших поступок, но и истоки (возможность) подобных мотивов (например, законодательство разума Канта или способность желания Лакана). Этики, отвергающие анализ последствий, определяют как неконсеквенциональные. Более того, этики, предполагающие, что для поступка достаточно формальных ориентиров, склоняются к деонтологии, и напротив, требование содержательности в ориентации на моральный поступок неминуемо форми-

рует идеал и создает этику идеала: идеального качества или состояния. Кроме того, как мы показали, материализм и идеализм в этике также могут быть соотнесены с этической оценкой поступков.

Таким образом, анализ различных концепций поступка в рамках этики может привнести большую ясность в классифицирование этических систем в рамках историко-философского анализа.

Список литературы

Доманов О. А. Императив наслаждения в этике Канта и психоанализе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 3. С. 129–136.

Лакан Ж. Семинары VII: Этика психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 2006.

Мур Дж. Принципы этики / Пер. с англ. Л. В. Коноваловой; под ред. И. С. Нарского. М.: Прогресс, 1984.

Этика: Учеб. / Под ред. А. А. Гусейнова, Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 1998.

Stavrakakis Ya. Lacan and the Political. L.: Routledge, 1999.

Zupančič A. Ethics of the Real. N. Y.; L.: Verso, 2000.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2010

I. S. Kudryashov

ON A CLASSIFICATION OF ETHICAL THEORIES (THE CASE OF A CLASSIFICATION PROBLEM, POSED BY JACQUES LACAN FOR THE ETHICS OF PSYCHOANALYSIS)

In this article we consider classification problem of Jacques Lacan's ethics of psychoanalysis. In the first part we deal with ethical themes and philosophers who have been connected with ethics of psychoanalysis. In the second part we analyze and apply several ethical classifications to this ethics. The result of our work is that we suggest some additions and specifications for ethical classifications, especially a new definition of materialistic and idealistic ethics.

Keywords: history of philosophy, ethics, ethical classifications, Jacques Lacan, ethics of psychoanalysis, materialistic ethics.